Р. И. Ханукаева
ORCID: 0000-0001-9577-9413
✉ *raisa.khanukaeva@gmail.com*
Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)

Мать и мачеха: о судьбе новгородки N. Дмитровны, княгини Мстиславлей

Аннотация. Русская летописная традиция характеризуется определенной строгостью по отношению к терминологии родства и свойства́ по женской линии. И если в случае с мужчинами применим «пересчет» родственных связей, при котором дядя или тесть мог быть назван отцом по отношению к младшему князю, то в случае с «матерью», например, ситуация была иной, и обычно этот термин использовался в своем прямом значении. Тем интереснее выглядят исключения из этого правила. Так N. Дмитровна, вторая жена Мстислава Великого, — единственная из известных нам княгинь, названа матерью по отношению к пасынку. С именем этой женщины связана еще одна уникальная ситуация: родной сын этой женщины, князь Владимир Мстиславич, получил столь же исключительную для древнерусских летописей характеристику «мачешич» (сын мачехи). В статье показано, как связаны эти явления; как неожиданное «материнство» русской княгини может объяснить ее уход в Чернигов — вотчину политических противников ее покойного мужа, и сколь сложными и вместе с тем долгосрочными были семейно-политические связи Мстиславичей.

Ключевые слова: Мстислав Великий, Изяслав Мстиславич, мать, мачеха, кровное родство, свойство, брак, политический союз, борьба за княжение

Для цитирования: *Ханукаева Р. И.* Мать и мачеха: о судьбе новгородки N. Дмитровны, княгини Мстиславлей // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 46–59. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-46-59.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2021 г.
Принято к печати 1 июля 2021 г.

© Р. И. ХАНУКАЕВА

R. I. Khanukaeva
ORCID: 0000-0001-9577-9413
✉ *raisa.khanukaeva@gmail.com*
Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

Mother and stepmother: About the life of N. Dmitrovna, Mstislav's princess

Abstract. The Russian chronicle tradition is characterized by considerable rigor in using the terminology of matrilineal kinship and affinity. Whereas in the case of male kinship a "recount" is possible which admits that an uncle or father-in-law could be called "father" in relation to a younger prince, the situation with the word "mother", for example, is different, and this term was usually used in its direct meaning. This fact makes exceptions to this rule even more interesting. Thus, N. Dmitrovna, the second wife of Mstislav the Great, is the only princess known to us who was named mother in relation to her stepson. Another unique situation is associated with the name of this woman: her own son, Prince Vladimir Mstislavich, received the nickname "macheshich" (son of a stepmother), equally exceptional for Old Russian chronicles. In this article I will try to show how these phenomena are related; how the unexpected "motherhood" of the Russian princess can explain her departure to Chernigov, the fiefdom of her late husband's political opponents, and how complex and, at the same time, long-term were the family and political ties of the Mstislav clan.

Keywords: Mstislav the Great, Iziaslav Mstislavich, mother, stepmother, consanguinity, affinity, marriage, political union, struggle for princely throne

To cite this article: Khanukaeva, R. I. (2021). Mother and stepmother: About the life of N. Dmitrovna, Mstislav's princess. *Shagi / Steps, 7*(3), 46–59. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-46-59.

Received March 7 2021
Accepted July 1, 2021

© R. I. KHANUKAEVA

Как и многие Рюриковичи, Мстислав Великий был женат не единожды, причем статус его жен на первый взгляд был очень разным. Первая — Христина Ингесдоттер[1], шведская принцесса, союз с которой продолжил традицию престижных в домонгольской Руси браков со скандинавами. Вторая — дочь новгородского посадника Дмитра Завидича, имя которой неизвестно (в дальнейшем я буду обозначать ее латинской буквой N). И именно с ней в тексте Киевской летописи связаны две уникальные и противоречащие друг другу ситуации. С одной стороны, N. Дмитровна — единственная во всем корпусе древнерусских летописей мачеха, названная «матерью» по отношению к пасынку. С другой — родной сын этой женщины, князь Владимир Мстиславич, получил столь же исключительную для летописей характеристику «мачешич» (сын мачехи). Соблазнительным было бы объяснять это низким положением Владимира в родовой иерархии: младший сын, рожденный от второй жены (см. приложение 2), он не успел получить стол при жизни отца и был лишен сильных родственников со стороны матери, а это в среде Рюриковичей весьма ценный ресурс[2]. Однако торопиться с выводами о статусе Владимира все-таки не стоит.

Судьба самой N. Дмитровны — княгини, которая появляется на страницах Киевской летописи относительно часто по сравнению с другими женщинами, — тоже интересна. Последний раз вдова Мстислава Владимировича упоминается в 1169 г. в момент своего изгнания из Киева. Летописец сообщает, что она уходит в Чернигов — вотчину давних противников собственного мужа. Поступок этот крайне странен: для чего бы дочери и внучке новгородских посадников, не имеющей никаких очевидных связей с черниговской ветвью князей, отправляться на чужбину, да еще и в стан политических врагов? Почему бы ей не вернуться в родной Новгород?

П. П. Толочко [2013: 18] предположил, что княжеская вдова, имени которой мы не знаем, и вторая жена Мстислава Великого, также безымянная, — не одно и то же лицо. По его мнению, князь до смерти успел жениться трижды, последний раз — на представительнице рода Ольговичей. Это предположение не было поддержано другими исследователями, и вопрос о неожиданном выборе N. Дмитровны остался открытым.

Пренебрежение княгини Новгородом сегодня можно объяснять лишь приблизительно: согласно Новгородской первой летописи, к 1169 г. в живых не осталось ни отца, ни брата женщины (об этом ниже), а следовательно, родственные и дружеские связи могли быть давно потеряны. Что же до «черниговского направления», выбранного княгиней, то объяснить его, как кажется, может ее неожиданное «материнство». Ниже я попытаюсь показать, как связаны эти явления, а также ответить на вопрос, в какой момент и при каких обстоятельствах сын «матери» вдруг превратился в «мачешича».

[1] Имя княгини встречается в тексте Новгородской первой летописи: «Прѣставися Мстиславляя Хрьстина» [НПЛ: 21].

[2] Несмотря на то что родственники по мужской линии (внуки по сыну или племянники по брату) обладали бóльшим статусом в глазах древнерусского князя, чем те же родственники со стороны женщины, в летописи можно найти немало примеров, которые показывают удачные союзы сестричей (племянников со стороны сестры) с уями (дядьями со стороны матери) — один из них будет рассмотрен ниже, коллаборации свояков и даже отчима и пасынка.

Кровные узы

Ситуация, при которой младшим детям от последующих браков приходилось отвоевывать свое место под солнцем, в среде Рюриковичей не была редкостью. В длительном конфликте с младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким) находился и сам Мстислав Великий. Союз его детей и единоутробных братьев против единокровного Юрия только усилил противоречия между князьями: Юрий то занимал киевский стол с помощью оружия, то уступал его дуумвирату старшего брата Вячеслава и племянника Изяслава. Конфликт смягчился только после смерти последних, когда старший из оставшихся в живых сыновей Мстислава Великого, Ростислав, добровольно отдал дяде киевское княжение и даже взял на себя заботы о жене Юрия, что, кажется, может свидетельствовать о доверии, установившемся между князьями:

> В то же веремѧ приде Гюргева҃ исъ Суждалѧ . Смоленьску . и с дѣтми своими к Ростиславу . Ростиславъ же поима стрыиню свою съ собою . и поиде къ строеви своему . съ всимъ полкомъ свои҃ и приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ . и тако ѡбъ҃ластасѧ . с великою любовью . и с великою ч҃тью и тако пребъ҃ша оу весельи [ПСРЛ (2). Стлб. 480].

Может быть, похожие отношения с братьями были и у Владимира? Внешне такое предположение кажется вполне обоснованным. После смерти отца Владимир, не успевший получить собственного стола, остался в еще более трудном положении, чем его дядя Юрий после смерти Мономаха. Но, по всей видимости, Изяслав учел ошибки отца и активно вовлекал младшего брата в свою политическую игру, сделав его одним из ближайших сторонников.

Согласно Киевской летописи, в 1147 г. Изяслав оставил «брата своего» Владимира княжить в Киеве, в то время как сам отправился в очередной поход на Юрия Владимировича [Там же. Стлб. 344]. Годом позже история повторилась, однако теперь летописец сообщает еще и о Мстиславе Изяславиче, который оставался в Переяславле, пока его дядя «замещал» в Киеве отца [Там же. Стлб. 368]. Кроме этого, Изяслав устроил брак Владимира с дочерью сербского жупана, угорского бана. В статье 1150 г. читаем:

> Изѧславъ же видѣвъ брата своего въ здоровьи . и слъ҃ша королеву рѣчь . оу брата своего . и любовь королеву . радовашесѧ по велику . и ре҆ Изѧславъ брату своему . Володимеру брате Бъ҃ ти помози . ѡже сѧ еси потрудилъ моеѧ дѣлѧ ч҃ти и своеѧ но здѣ пакъı моеи сносѣ . а твоеи женѣ оудолжило҃ в то же веремѧ Изѧславъ послалъ бѧше Оугрı на покорм Оустилогъ . и тако послав҃ Изѧславъ и приведе бановну за брата своего Володимера и бъı҃ радость велика и веселие [Там же. Стлб. 407–408].

Этот союз, судя по всему, должен был укрепить позиции Изяслава на Западе. И вполне возможно, он был выгоден не только русскому князю. В той же статье 1150 г. летописец рассказывает, при каких обстоятельствах был заключен брак:

> В то же времѧ . Изѧславъ сгадавъ сь зѧтомъ своимъ королемъ . и съ сестрою своею королевою . и поѧша оу бана дчерь за Володимера . и послаша ю къ Изѧславу напередъ . Володимирю [Там же. Стлб. 406–407].

Получается, что в договоре о браке, помимо отца невесты и отца (в нашем случае — старшего родственника жениха), участвует и третья сторона, а именно венгерская королева Ефросинья — младшая единокровная сестра Изяслава и единоутробная сестра Владимира — и ее муж. Саму Ефросинью Изяслав выдал замуж за молодого венгерского монарха приблизительно в 1145 г. Известно, что русский князь нередко прибегал к помощи своего зятя, получая от него военную помощь. Венгерский правитель, например, был главным союзником Изяслава в борьбе с Владимиром Володарьевичем [Юрасов 2014]. Родовая лексика, используемая в диалогах обоих князей, показывает, насколько крепкой была их дружба:

> Ѣ̀ъ ти помози брате . ѡже на еси тако помоглъ . толико можеть такъ оучинити братъ роженъıи . или с̑нъ ѡ̑ю̑ю̑ како же тъı нама еси оучинилъ [ПСРЛ (2). Стлб. 420].

Выгода брака Владимира с неизвестной по имени «бановной» становится очевидной, если обратиться к происхождению невесты. В летописи не названо имя ее отца, однако исследователи сходятся во мнении, что им был Белуш — родной дядя и воспитатель Гезы II [Пчелов 2000: 78], а это значит, что Владимир женился на двоюродной сестре Гезы, дочери его уя. Брак младшего Мстиславича действительно мог укрепить позиции Изяслава в Венгрии, так как его тесть — влиятельный Белуш — достаточно долго оставался советником и главным помощником своего племянника (М. К. Юрасов [2015: 100] называет Белуша фактическим правителем Венгрии, во всяком случае в период малолетства Гезы). Венгерский король, выдавший свою кузину замуж за Владимира, также не оставался в накладе: теперь один из главных претендентов на киевский стол был дважды связан с ним свойствóм — благодаря жене и двоюродной сестре. Однако после смерти Изяслава дружба Владимира и Гезы дала трещину. И для дальнейшего разговора крайне важно разобраться почему.

Первые признаки охлаждения между Владимиром Мстиславичем и Гезой, возможно, проявились еще в 1155 г. Тогда русский князь отправил в Венгрию свою мать, уже известную нам N. Дмитровну. Носил ли ее визит официальный характер, неизвестно, но на фоне этой поездки произошло обострение отношений младшего Мстиславича с его племянником — Мстиславом Изяславичем. Киевская летопись сообщает, что «король же вда много имениѧ тещи своеи», и ничего не говорит о помощи Владимиру, в которой тот, скорее всего, нуждался. Позже князь и сам отправился в Венгрию за военной помощью:

> Тогда же и Мьстиславъ Изѧславичь . ѣха изъѣздомъ на стрıѧ своего . на Володимира Володимирю . и ѧ жену его и мт̑рь его . и всадивъ ѧ на возъı . везе ѧ Лучьску . посла . а стрıи его Володимеръ . оутече Перемъıшлю . а дружину его изограби . и товаръ весь ѡ̑ѧ . иже бѣ

> принесла изъ Оугоръ . Мьстиславлѧ . а Володимиръ ѿтуда . бѣжа въ Оугры . къ королевѣ . зѧтеви своему [ПСРЛ (2). Стлб. 484–485].

Несмотря на пленение тещи и двоюродной сестры, в этот раз Геза, видимо, отказал в поддержке опальному князю. Можно предположить, что это решение король принял не столько из-за пошатнувшегося положения Владимира, сколько из-за проблем, коснувшихся его собственного дома. Бан Белуш, дядя короля и тесть Владимира, был обвинен в заговоре против Гезы и покинул Венгрию [Калић 1997: 76]. Не исключено, что русский князь стал невольной жертвой этих событий.

Все сказанное выше, на мой взгляд, подчеркивает, насколько серьезное значение придавалось брачным союзам с венгерским правящим домом и взаимоотношениям русских и венгерских правителей. А значит, Владимир вовсе не был «слабым звеном» в родовой политике Изяслава. Фраза «потрудилъ моеѧ дѣлѧ чⷱти и своеѧ» (потрудился для моей и своей чести), приписанная старшему Мстиславичу, — пожалуй, весьма яркая иллюстрация этого тезиса.

«Мачешичем» младший сын Мстислава Великого стал лишь в тот момент, когда в политическую игру полноценно вступил его племянник — Мстислав Изяславич. Это прозвище впервые появилось в статье 1155 г., где летописец рассказал о примирении Юрия и Ростислава и об объединении их младших родственников — Мстислава и Владимира:

> Мьстиславъ же ѡставѧ брата своего Ꙗрослава в Лучьски . и с Володимеромъ Мьстиславичемъ мачешичемъ [ПСРЛ (2). Стлб. 479].

До этого уточнения мы несколько раз встречали Владимира на страницах Киевской летописи, сам текст богат на князей-тезок. В той же статье 1155 г. упомянуты два Мстислава: Мстислав Изяславич и Мстислав Гюргевич; более того, герой назван не только по имени, но и по отчеству, так что «мачешичь» кажется избыточным и уничижительным дополнением. Пока о будущем противостоянии князей не шло и речи, но хрупкий мир очень быстро разрушился. Ровесник Владимира, Мстислав не признал родовое старшинство своего дяди и боролся за те же права, коими при жизни обладал его отец[3]. Столкновение

[3] Относительно процедуры передачи власти в Древней Руси существует несколько точек зрения. Согласно С. М. Соловьеву [1847: 13] и В. О. Ключевскому [1908: 205–213], преобладал принцип генеалогического старшинства, когда власть передавалась от старшего брата к младшему, а затем переходила к старшему в роду племяннику. А. Е. Пресняков [1909: 61–67] считал, что доминировал принцип «отчины», при котором важнее оказалось наследовать земли, принадлежавшие ранее отцу. Альтернативную точку зрения высказали С. Франклин и Дж. Шепард [2000: 356–362], предположив, что ни один из принципов не доминировал и что на передачу власти в среде Рюриковичей влияли различные факторы. А. В. Назаренко рассматривает наследственную систему Рюриковичей как европейский corpus fratrum, который на Руси приобрел «самые развитые и дифференцированные формы» [Назаренко 2000: 500]. К. С. Гвозденко и А. А. Горский [2017] предложили ориентироваться на традиции конкретных княжеств. По их мнению, киевский стол с 1139 г. стал объектом борьбы сильнейших представителей княжеских ветвей, и о престолонаследии не могло быть и речи — равно как и в Новгороде, где князей приглашала боярская элита. Противоположная ситуация сложилась, например, в Чернигове, где преобладало лествичное право, и в Смоленске, где главным принципом было наследование от отца к сыну.

князей стало неизбежным. Племянник несколько раз изгонял своего менее удачливого дядю из Киева.

Именование Владимира «мачешичем» кажется попыткой делегитимировать его право на киевский стол и вычеркнуть князя из круга претендентов. Около 1158 г. у Мстислава Изяславича родился сын, который стал полным тезкой Владимира Мстиславича, и имя, выбранное для младенца, тоже отчасти можно расценивать как акт исключения старшего родственника из перечня наследников Мономаха[4].

В попытках избавиться от дяди и потенциальной опасности с его стороны Мстислав изгнал из Киева и его мать N. Дмитровну:

> Мьстиславъ же ре^{ч} мт҃ри Володимири иди в Городокъ . а ѿтуда камо тобѣ годно . не могу с тобою жити ѡдиномъ мѣстѣ зане сн҃ъ твои ловить головъı моеѧ всегда [ПСРЛ (2). Стлб. 537].

Княгиня ушла в Чернигов, что, как уже было сказано выше, кажется странным даже с учетом смерти ближайших живых родственников в Новгороде. Однако если проанализировать взаимоотношения героини с детьми ее мужа, все встает на свои места.

Мать и мачеха

В сообщении Киевской летописи, датируемом 1154 г., читаем:

> Ростиславъ спрѧтавъ тѣло его . и ѣха на Ꙗрославль дворъ . и съзва мужа ѿц҃а своего Вѧчеславли . и тивунъı и ключникъı . каза нести имѣнье . ѿц҃а своего . передъ сѧ . и портъı и золото и серебро . и снесъ все и нача роздавати . по манастъıремъ и по црк҃вамъ . и по затворомъ и нищи^{м} . и тако раздаѧ все . а собѣ ни приѧ ничто . толико кр^{с}тъ ч^{с}тьнъıи взѧ на бл҃гословление собѣ . а прокъ имѣниѧ да . чимъ же над ни^{м} дѣıати на послѣдниѧ дн҃и чимъ свѣчю и просфуру е^{г} побѣ^{д}ти .

[4] В домонгольской Руси существовал строгий запрет на повторение имени прямых предков, если те к моменту появления младенца на свет были еще живы. В то же время, как пишут А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, дядя в этом плане был двойственной фигурой: с одной стороны, он действительно являлся представителем старшего поколения, с другой — прямого запрета на использование его имени не существовало. Младенцев нарекали именами их стрыев (дядьев по отцу) и уев (дядьев по матери) в двух случаях: либо для уподобления новорожденного дяде, либо для вытеснения последнего из родовой иерархии. Иллюстрацией последнего тезиса может служить стратегия имянаречения ветви Святославичей — потомков одного из сыновей Ярослава Мудрого. Подробнее об этой сложной и запутанной системе см.: [Литвина, Успенский 2006: 95–98].

Что же касается героев этой статьи, то имя *Владимир* занимало крайне важную позицию в родовой политике Мономашичей и отсылало к основателю ветви — Владимиру Мономаху. Вполне закономерно, что Мстислав Великий дал имя своего отца младшему сыну, так как самого Мономаха уже не было в живых. Этой же логикой мог руководствоваться Мстислав Изяславич. Однако интересно, что к моменту рождения его третьего сына имя, во-первых, не было вакантно и его носил дядя Мстислава, а во-вторых, каким бы мощным эффектом оно ни обладало, Мстислав называет Владимиром только третьего и (возможно) самого младшего из своих сыновей. И происходит это ровно после начала конфликта с Владимиром Мстиславичем.

> и то все изрѧдивъ и приказа Мьстиславли . мт҃ре своеи . а самъ поима прокъ дружинъı Вѧчеславли . ѣха ѡпѧть на ѡну страну [ПСРЛ (2). Стлб. 473].

Уникальность этого отрывка заключается в том, что автор текста заменил термин свойства́ *мачеха* на термин кровного родства *мать*, хотя и «мачехи» были хорошо знакомы русским летописцам. Родовая терминология по женской линии практически всегда, в отличие от мужской, употреблялась в своем прямом значении[5]. Пример превращения термина свойства́ *мачеха* в родовой термин *мать* оказался единственным и требует тщательного анализа.

Главные действующие лица приведенного выше отрывка — смоленский князь Ростислав, один из старших сыновей Мстислава Великого и брат Изяслава, и уже знакомая нам N. Дмитровна. Причем последняя не могла быть кровной родственницей Мстиславича и даже не «годилась ему в матери». Летопись не дает точной даты рождения князя, однако, по оценке Дариуша Домбровского [2015: 128–129], тот появился на свет между 1107 и 1109 гг. Брак Мстислава Владимировича и N. Дмитровны был заключен между октябрем 1122 г. и февралем 1123 г. То есть на момент повторной женитьбы отца Ростислав был подростком 11–13 лет. Если учитывать, что канонический возраст вступления в брак для девочек составлял 12–13 лет [Домбровский 2015: 128–129], то «сын» мог быть ненамного младше своей «матери».

К 1154 г. Мстислава Великого уже не было в живых (он скончался в 1132 г.), так что в приведенной выше цитате фигурируют сразу два «приемных» родителя: княгиня-мачеха и Вячеслав, приходившийся Ростиславу дядей по отцу (см. приложение 1). Последнее неудивительно, ведь дядья, особенно стрыи, могли именоваться отцами после утраты младшими родственниками кровных родителей [Лавренченко 2016]. Более того, в случае Вячеслава и его племянников (во всяком случае старшего из них, Изяслава) была проведена процедура, похожая на официальное усыновление:

> Вѧчеславъ же то слъıшавъ и любо бъı҆ ему . и тако цѣловаста хр҆тъ . оу сто҃ю мт҃нку на гробѣ . на томъ Изѧславу имѣти ѿц҃мь Вѧчеслава . а Вѧчеславу имѣти сн҃мъ Изѧслава [ПСРЛ (2). Стлб. 399].

Изяслав в момент заключения договора был взрослым и влиятельным князем, Вячеслав — старшим в роду, но оставшимся без мужского потомства, так что этот союз был выгоден обоим. Не исключено, что закрепленное крестоцелованием «отцовство» распространялось не только на Изяслава, но и на его младшего брата Ростислава.

Есть в статье 1154 г. еще один случай «пересчета» (метафоризации) родственных связей: «сыном любимым» Ростислава именуется Святослав Всево-

[5] Мною были проанализированы все случаи использования слов *мать*, *сестра*, *дочь* в ряде летописных текстов. Для анализа выбраны следующие тексты: Повесть временных лет (по Ипатьевскому списку), Киевская, Суздальская, Галицко-волынская и Новгородская первая летописи.

лодович (см. приложение 2), приходившийся ему сестричичем[6]. И здесь, как кажется, можно увидеть продолжение тех отношений, которые сложились еще при отце Святослава Всеволоде, Ольговиче и его деде по матери — Мстиславе. Брак Всеволода и Мстиславны стал настолько удачной попыткой примирить две враждующие ветви Рюриковичей, что ради своего зятя Мстислав нарушил крестоцелование, а Всеволод позднее был обвинен собственными братьями в том, что Мономаховичей он поддерживает больше, чем Ольговичей.

Итак, налицо сочетание нескольких некровных родственников в одной летописной статье, отношения которых тем не менее переведены в категорию кровного родства, причем среди них неожиданным образом оказалась женщина.

Неравный брак (?)

Впервые о второй жене Мстислава летописец сообщил в год ее свадьбы. Интересен сам факт женитьбы князя на «Завидовой внуце», чей дед, по свидетельству Новгородской первой летописи [НПЛ: 164, 471–472], был посадником в годы княжения в Новгороде Мстислава. Брак с представительницей некняжеского рода кажется весьма странным с точки зрения и разыгрываемой партии (женитьба на Рюриковне или женщине из другого правящего дома приносила целый ряд политических выгод), и признанного порядка заключения браков. Помимо Мстислава Великого, нам достоверно известно еще о двух союзах с новгородками, но обе невесты представляли клан Роговичей-Гюрятиничей, основателем которого, возможно, был Регнвальд Ульвссон, «родич» шведской принцессы Ингегерд, на Руси ставшей женой Ярослава Мудрого [Гиппиус 2006].

Что же касается Завида и его предков, то здесь информация еще более скудная. Летописи ничего не сообщают о происхождении посадника. Однако В. Л. Янин [2008: 43], ссылаясь на свинцовые печати, найденные в Новгороде, отождествляет его с протопроедром Евстафием (вероятно, второе, христианское имя Завида). В свою очередь, А. Поппэ [1997] предположил, что Евстафий мог быть сыном посадника Остромира, женившегося на Феофании, дочери князя Владимира и царевны Анны. Эта реконструкция, как пишет А. А. Гиппиус [Gippius 2014: 384], позволяет идентифицировать посадников Завида и его сына Дмитра Завидича с потомками Остромира, которые также являлись родственниками Рюриковичей. Что же касается политических выгод, они еще более очевидны: скорее всего, союз Мстислава и N. Дмитровны должен был укрепить позиции князя и его потомства в Новгороде. План, как известно, провалился, однако, если посмотреть на список посадников с 1120 по 1128 г., становится ясно, что в этот период должность занимали исключительно лояльные к политике Мстислава бояре: пять лет правил присланный из Киева Борис, его сменил Мирослав Гюрятинич, приходившийся дальним род-

[6] Святослав был одним из детей Мстиславны, дочери Мстислава Великого и Христины Шведской. Отношения этого князя с коалицией Мстиславичей развивались по-разному. Он то примыкал к родственникам со стороны матери, то действовал вместе с черниговскими князьями — давними противниками Мономаховичей, однако ему всегда удавалось быстро примиряться со своими уями и их потомками.

ственником первой жене Мстислава, а в 1128 г. посадником стал брат N. Дмитровны — Завид Дмитрович, умерший в том же году.

Долгое время после свадьбы персона N. Дмитровны не интересовала летописца, и первое косвенное упоминание о ней, к тому времени уже вдове, встречается в эпизоде гибели Игоря Ольговича, датируемом 1147 г.:

> ...и скочи Володимиръ с конѧ и ѡгорноу и коръзномъ . Река Киꙗномъ бра҃е моѧ не мозите сего створити зла ни оубиваите Игоря . и доведе и Володимиръ воротъ . мт҃ре своеѧ и тоу начаша Игоря оубивати . и оудариша Володимира бьюче Игоря . Михаилъ же видѣ то . и скочи с конѧ . хотѧ помочи Володимироу . Володимиръ же вмча и во дворъ мт҃ре своеѧ . Игоря хоронѧ и затвори ворота бьюче же Михаилѧ ѿторгоша хр҃ть на не҆м҃ и с чепьми . а в немъ гривна золота . толикоу же множествоу оубивающимъ Игоря [ПСРЛ (2). Стлб. 351–352].

Это сообщение позволяет нам утверждать, что в 1147 г. вдова Мстислава находилась в Киеве, так как с точки зрения горожан они зашли на «двор Мстислава», а с точки зрения Владимира он въезжает на «двор матери», т. е. истинной владелицы двора в данный момент.

Две женщины

Недостаток сведений о жизни вдовствующей княгини не запрещает нам, однако, сделать некоторые предположения относительно ее биографии. После смерти Мстислава Великого киевский стол поочередно занимали Ярополк и Вячеслав Владимировичи[7], младшие братья ее мужа, а в 1139 г. князем стал Всеволод Ольгович, правивший вплоть до своей смерти в 1146 г. Если предположить, что все это время княгиня была в Киеве, то бóльшую часть времени она провела под покровительством Всеволода, мужа своей падчерицы. А небольшая разница в возрасте между двумя женщинами[8] делает возможным общение (или даже дружбу) между ними.

О жизни N. Дмитровны в Киеве также свидетельствует и то, что княгиня приняла на себя некоторые заботы о похоронах Вячеслава Владимировича, в то время как ее «сын» Ростислав «поима прокъ дружинꙑ Вѧчеславли . ѣха ѡпѧть на ѡну страну» [ПСРЛ (2). Стлб. 473]. В 1169 г. она приехала в Вышгород на встречу с родным сыном Владимиром. Здесь стоит иметь в виду, что незадолго до этого умер Ростислав Мстиславич, занявший Киев после смерти Юрия Долгорукого. Кажется важным и то, что Вышгород находится всего в 20 км от «матери городов русских».

---

[7] Правление младших братьев (да и любых других родственников мужа) само по себе не давало гарантий безопасности для вдовствующей княгини. Однако, если учитывать, что Ярополк и позднее Вячеслав благоволили старшим Мстиславичам, можно предположить, что и вдову брата они хотя бы не изгоняли из города.

[8] На момент второй свадьбы Мстислава Великого будущей жене Всеволода Ольговича было 10–12 лет, ее саму выдали замуж немногим позже венчания Мстислава и N. Дмитровны. Домбровский датирует рождение княжны 1110–1113 гг., а ее свадьбу со Всеволодом — 1126–1127 гг. [Домбровский 2015: 148–153].

Вероятнее всего, сын старшего пасынка Мстислав Изяславич, княживший в Киеве «по Ростиславли смр҃ти», изгнал ее именно оттуда. Поступок Мстислава может показаться варварским: князь прогнал уже немолодую женщину из города, в котором она прожила почти всю жизнь. Однако более ранние перемещения N. Дмитровны и ее встреча с сыном в Вышгороде в момент обострения конфликта между дядей и племянником показывают, что княгиня, возможно, играла в этом конфликте какую-то роль.

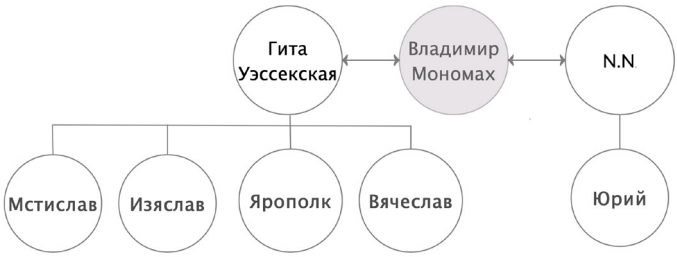
Напомню, что Владимир, в детстве, вероятнее всего, живший с матерью, взрослел при дворе своей старшей сестры и ее мужа. И более того, он был ровесником их сына Святослава. Об отношениях Мстиславны и ее младшего брата в летописи сказано очень мало, однако известно, что в 1169 г. князь оставил жену и детей на попечении сестры: «и иде тамо а жену ѡстави с дѣтѧтама . въ Глуховѣ оу Всеволожии» [ПСРЛ (2). Стлб. 537]. Нет сомнений в том, что это та самая Всеволожья, которая в 1141 г. просила мужа отдать новгородский стол ее младшему брату Святополку и которая, овдовев, ушла в «отчину» своего мужа (Глухов на тот момент был частью Черниговского княжества) [ПСРЛ (1). Стлб. 338]. Можно предположить, что в конфликте Владимира и Мстислава вдовствующая княгиня приняла сторону брата, а не племянника, или хотя бы решила помочь первому в его нелегком положении.

Итак, я предполагаю, что N. Дмитровна сумела построить дружеские отношения со своими пасынками и стать им если не матерью (в силу возраста), то как минимум близкой союзницей, с которой можно было ужиться в одном городе и дети которой в глазах старших Мстиславичей были родными братом и сестрой, способными играть серьезную роль в политике всей ветви. Что же касается ее позднейшего изгнания, то она не пошла ни в Городок, находившийся тогда, видимо, под властью Мстислава, ни в Новгород, где в то время княжил его сын Роман Мстиславич и где, видимо, уже не осталось никаких связей. Княгиня приняла, как кажется, единственное верное в данном случае решение и ушла в Чернигов — вотчину Святослава Всеволодовича, родного сына Всеволода и Мстиславны и «сына любимого» Ростислава. Испорченные отношения с потомком одного из пасынков не помешали ей обратиться за помощью к сыну падчерицы.

История N. Дмитровны показывает, насколько ценными и важными были семейные связи по женской линии. Возможное родство Остромира с князем Владимиром дало право правнучке новгородского посадника стать киевской княгиней. Ее дальнейшие действия и приписанное ей материнство показывают, что княгиня была далеко не последним человеком в семейном кругу, а ее уход в Чернигов — это иллюстрация того, как родственные связи и межсемейная дипломатия продолжают играть свою роль даже через много лет после смерти мужчин, которые просчитывали «брачные комбинации» и скрепляли свои союзы свадьбами родственников.

Приложения

Приложение 1. Владимировичи

Приложение 2. Мстиславичи

Источники

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

Литература

Гвозденко, Горский 2017 — *Гвозденко К., Горский А.* О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.

Гиппиус 2006 — *Гиппиус А. А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей // Slavica Helsingiensia. Vol. 27. 2006. P. 93–108.

Домбровский 2015 — *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. сл. к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского, О. А. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

Калић 1997 — *Калић Ј.* Жупан Белош // Зборник радова Византолошког института. Т. 36. 1997. С. 63–81.

Ключевский 1908 — Курс русской истории / [Соч.] проф. В. Ключевского. 3-е изд. Т. 1. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908.

Лавренченко 2016 — *Лавренченко М. Л.* «Отцовство» в древнейших русских летописях // Studia Historica Europae Orientalis. Vol. 9. 2016. С. 52–67.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.

Назаренко 2000 — *Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь / [Сост. В. Я. Петрухин]. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 500–519.

Поппэ 1997 — *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16) / Отв. ред. Э. А. Гордиенко, В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 102–120.

Пресняков 1909 — *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909.

Пчелов 2000 — *Пчелов Е. В.* Рюриковичи и Арпады: династические связи // Гербовед. № 48. 2000. С. 72–82.

Соловьев 1847 — *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Университет. тип., 1847.

Толочко 2013 — *Толочко П. П.* Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2013.

Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Юрасов 2014 — *Юрасов М. К.* Политика Гезы II по отношению к Руси после победы над Владимиром Володаревичем // «По любви, в правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина: Сб. ст. / [Отв. ред. Б. Н. Флоря]. М.: Индрик, 2014. С. 140–156.

Юрасов 2015 — *Юрасов М. К.* Бан Белуш — один из возможных прототипов былинного героя Дюка Степановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 94–102.

Янин 2008 — *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славян. культур, 2008.

Gippius 2014 — *Gippius A.* A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / Sous la dir. P. Baudin, A. E. Musin. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 383–392.

References

Dąbrowski, D. (2008). *Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*. Avalon. (In Polish).

Franklin, S., & Shepard, J. (1996). *The emergence of Rus: 750–1200*. Longman.

Gippius, A. A. (2006). Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei [A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom (developing A. A. Molchanov's hypothesis about the origin of the family of Giuriatinichi-Rogovichi)]. *Slavica Helsingiensia, 27*, 93–108. (In Russian).

Gippius, A. (2014). A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom. In P. Baudin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 383–392). Presses universitaires de Caen.

Gvozdenko, K., & Gorskii, A. (2017). O poriadke nasledovaniia kniazheskoi vlasti v Drevnei Rusi [On the order of inheritance of princely power in Ancient Rus]. *Rossiiskaia istoriia, 2017*(6), 14–23. (In Russian).

Ianin, V. L. (2008). *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays about the history of medieval Novgorod]. Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Iurasov, M. K. (2014). Politika Gezy II po otnosheniiu k Rusi posle pobedy nad Vladimirom Volodarevichem [Géza II's policy towards Medieval Russia after the victory over Vladimir Volodarevich]. In B. N. Floria (Ed.). *"Po liubvi, v pravdu, bezo vsiakie khitrosti": Druz'ia i kollegi k 80-letiiu V. A. Kuchkina: Sbornik statei* (pp. 140–156). Indrik. (In Russian).

Iurasov, M. K. (2015). Ban Belush — odin iz vozmozhnykh prototipov bylinnogo geroia Diuka Stepanovicha [Ban Beloš — a possible prototype of the epic hero Diuk Stepanovich]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki, 2015*(2), 94–102. (In Russian).

Kalich, J. (1997). Zhupan Belosh [Župan Beloš]. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta, 36*, 63–81. (In Serbian).

Kliuchevskii, V. (1908). *Kurs russkoi istorii* [A course of Russian history] (3rd ed., Vol. 1). Tipograviia G. Lissnera i D. Sobko. (In Russian).

Lavrenchenko, M. L. (2016). "Ottsovstvo" v drevneishikh russkikh letopisiakh ["Fatherhood" in the Russian chronicles]. *Studia Historica Europae Orientalis, 9*, 52–67. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among Russian princes in the 10th–16th cc.: Dynastic history from an anthroponymic perspective]. Indrik. (In Russian).

Nazarenko, A. V. (2000). Poriadok prestolonaslediia na Rusi X–XII vv.: nasledstvennye razdely, sen'orat i popytki designatsii (tipologicheskie nabliudeniia) [The order of succession to the throne in Russia in the 10th–12th centuries: hereditary domains, seniority and attempts of designation (typological observations)]. In V. Ia. Petrukhin (Ed.). *Iz istorii russkoi kul'tury* (Vol. 1, pp. 500–519). Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

Pchelov, E. V. (2000). Riurikovichi i Arpady: dinasticheskie sviazi [Rurikovichi and Árpáds: dynastic ties]. *Gerboved, 48*, 72–82. (In Russian).

Poppe, A. (1997). Feofana Novgorodskaia [Feofana the Novgorodian]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik* (Vol. 6(16), pp. 102–120). Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Presniakov, A. E. (1909). *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi: Ocherki po istorii X–XII stoletii.* [Princely law in Ancient Russia: Essays about the history of the 10th–12th centuries]. Tipografiia M. A. Aleksandrova. (In Russian).

Solov'ev, S. M. (1847). *Istoriia otnoshenii mezhdu russkimi kniaz'iami Riurikova doma* [The history of relations between the Russian princes of the Rurik dynasty]. Universitetskaia tipografiia. (In Russian).

Tolochko, P. P. (2013). *Dinasticheskie braki na Rusi XII–XIII vv.* [Dynastic marriages in Russia 12th–13th centuries]. Aleteiia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Раиса Ильинична Ханукаева
аспирантка, Институт славяноведения РАН
Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А
Тел.: +7 (495) 938-17-80
✉ *raisa.khanukaeva@gmail.com*

Information about the author

Raisa I. Khanukaeva
Post Graduate Student, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119991, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A
Tel.: +7 (495) 250-66-68
✉ *raisa.khanukaeva@gmail.com*